

Свое-жительство записки

Богдана А. Дѣдицкого.

Часть I.

(Оттискъ изъ „Вѣстника Народного Дома“ за г. 1908).

(Цѣна 60 гел.).

Л Ъ В О В Ъ

Печатня Станиславскаго Института

подъ управленіемъ М. Рефца.

1908.

Свое-жизненные записки Богдана А. Дѣдицкого

Часть I

Глава III. Владимиръ Б. Антоновичъ и Антонъ С. Будиловичъ.

Отгиск "Вѣстника Народного Дома" за г. 1908
ЛВОВ

Печатня Ставропигійского Института
под управленіем М. Рефця
1908.

*(Приводится заключительная третья глава
первой части записок
«Владимиръ Б. Антоновичъ и Антонъ С.
Будиловичъ»
Редакция сайта «Западная Русь»
<http://zapadrus.su/>)*

Послѣ тѣхъ моихъ толкованій и многоглаголаній о томъ, якъ то шла исторія саморозвитія языка и азбуки Галицкой Руси отъ года ей возрожденія 1848, заключаю тую I. Часть свежитъевыхъ Записокъ еще однимъ сказомъ-розказомъ, къ тому-же русско-языковому вопросу относящимся. Уважаю бо таки необходимымъ вспоманути тутъ еще о двоихъ знаменитыхъ, слава Богу и нынѣ здравствующихъ Мужахъ-Малорусинахъ, въ честь которыхъ сію-же I часть Записокъ посвящаю и къ которымъ въ пониже слѣдующей послѣ-дедикаціи братолюбное слово обращаю.

Знаменитыи Мужы-Украинцы тѣ суть именно:

III. Владиміръ Б. Антоновичъ и Антонъ С. Будиповичъ.

Вамъ то двоимъ, Высокоповажныи Добродѣи, Владиміръ Бонифатьевъ и Антонъ Семеновъ, посвящаю сей писательскій трудъ мой въ честь и милую память короткихъ, а многосодержательныхъ розговоровъ, якіи провелъ я съ каждымъ изъ Васъ особо, коли то въ послѣднемъ десятку годовъ XIX столѣтія Вы изволили другъ по другу посѣтити мене въ библиотечной комнатѣ „Народного Дома“ во Львовѣ.

А такъ якъ тѣ розговоры наши таки исключительно относились къ предмету, о якомъ я въ сей I. Части моихъ Записокъ толкую, и такъ якъ я каждую мысль Вашу, тогда въ розговорахъ тѣхъ мнѣ сообщенную, майже въ собственныхъ еи выраженіяхъ и до-нынѣ собѣ запамятую: то да будетъ же и само наведеніе поважныхъ мнѣвій Вашихъ по сему дѣлу достойною анологією того моего старческаго труда.

И такъ — запишу тутъ простымъ слогомъ повѣствованія о миломъ прошедшемъ:

Было се власне въ оно время (года изъ послѣднёго десятка прошлаго вѣка точно не помню), коли то нашъ, тогда въ школьництвѣ краевомъ многовлятельный Александръ Барвинскій, головный инспираторъ введенія Кулишевой фонетики въ нашихъ школахъ и тогда-же избранный парламентскимъ „Коломъ польскимъ“ въ члены делегации австро-угорской, старался поднятому нимъ новому „украинскому вопросу“ надати ажъ значеніе волнующего изъ-давна всю Европу „вопроса восточного, recte Балканского“.

Въ то именно время посѣтилъ мене въ малой комнатѣ великой библиотеки „Народного Дома“ скромный видомъ чело-вѣкъ, и тотъ-же по самомъ скромнѣйшомъ заявленіи своего имени предсталъ предо мною яко самъ важнѣйшій мужъ настоящей „Руси-Украины“ — предсталъ Владиміръ Антоновичъ, профессоръ исторіи на св.-Владимірскомъ университетѣ и вразъ-же славный основатель „Общества лѣтописца Не-

сторѣ“ въ Кіевѣ. Только теперѣ оцѣнилъ я, якъ колись при встрѣчѣ съ подобно скромнымъ-же по виду поэтомъ польскимъ Сырокомлею, смыслъ староримского рѣченія „mens magna in corpore vili“, но вразъ-же и пригадалъ собѣ про восторгъ, съ якимъ о томъ Антоновичу говорилъ мнѣ когда-то украинскій помѣщикъ Рѣзничъ. А зналъ же и я тогда кое-що ближе о ожидаемомъ приѣздѣ проф. Антоновича во Львовъ, именно зналъ я о томъ, що нашъ А. Барвинскій хлопоталъ немало о спроваженіи его изъ Кіева на катедру исторіи русской въ университетѣ Львовскомъ, да зналъ и тое, що польскіи профессору и политики во Львовѣ отвергли старанія Барвинского едино для того, бо уважали Антоновича ренегатомъ, перекинувшимся изъ Поляка въ Русива-Украинца.

Разумѣется, тематомъ розговора, сей-же часъ поднятмъ мною съ проф. Антоновичемъ въ моей комнатцѣ, где мы тутъ-же сидѣли бокъ-обокъ при столѣ, заявленномъ книгами и рукописями, былъ „вопросъ украинскій“. Я впрямъ подвесь, що тотъ вопросъ, благодаря усиливающейся у насъ партіи, официальной признанной, новоукраинской, становится чѣмъ-разъ больше акутнымъ, и затѣмъ понятно, що я радъ былъ узнать отъ легендарного главы настоящей молодой Украины за кордономъ, якъ то съ тѣмъ вопросомъ стоить во градахъ, весяхъ и земляхъ, откуда — по Нестору — Русь произошла есть.

На то проф. Антоновичъ, не медля съ отвѣтомъ, но яко мужъ свѣдущій, привыкшій мысли свои преподавати аподиктично, сказалъ менѣ: „И у насъ той вопросъ нынѣ есть; но мы увѣрены, що онъ въ скорѣ-же розрѣшится, а розрѣшитъ его русскій Царь однимъ почеркомъ своего пера, если только въ церкви и въ школахъ всей Украины востановитъ чтеніе всякихъ книгъ по произношенію малорусскому“.

По томъ своемъ многозначительномъ, но для мене франпантомъ изреченіи, проф. Антоновичъ, видимо намѣряя смрити мое удивленіе надъ силою „одного почерка царского пера“, толковалъ дальше: „Такъ есть: розвязка сего вопроса послѣдуетъ у насъ въ весьма скоромъ времени, есть просто квестією дня. Вся у насъ интеллигенція, такъ Мало- якъ и Великорусы, нынѣ согласно и единодушно признаютъ того необходимую потребность, затѣмъ то и скорѣ уже тая потребность введена буде въ жизнь царскою санкцією“.

Ти слова „вскорѣ, въ весьма скоромъ часѣ, квестія дня“ произносилъ проф. Антоновичъ съ натискомъ и съ такимъ самоувѣренемъ, що я и не подумалъ, дабы они могли быти, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были: преждевременными.

Въ дальшомъ разговорѣ мой, глубоко свѣдущій по русской исторіи собесѣдникъ говорилъ о великомъ вліянніи Малой Руси на Великую Русь въ старину, а то особенно и въ языковомъ отношеніи, такъ якъ Великорусы, первобытно облаченные во Христа южно-русскими духовниками, въ чтеніи христіанскихъ

богослужебныхъ книгъ во многомъ еще и нынѣ соблюдаютъ наше малорусское словопроизшненіе. „Древняя исторія Руси — заключалъ свою бесѣду проф. Антоновичъ — якъ и исторія преобразовательного времени Петра Великого поучае насъ, що просвѣдательными способностями въ первомъ ряду отличалась наша Южная Русь; да я и увѣренъ, що не подпади тая-же Русь наша въ самое начальное къ дальнѣйшему просвѣщенію время подъ Литву и Польшу, превладѣющимъ словопроизношеніемъ въ нынѣшнемъ литературномъ книжно русскомъ языкѣ было бы наше малорусское.“ Се говорили менѣ Вы, Всечестнѣйшій Добродѣю Владиміре Бонифатіевъ, передъ акихъ 15 лѣтами, и всѣ Ваши мысли-мнѣ ія, навѣрно также и до нынѣ Васъ одушевляющіи, суть для мене по вѣкъ надо все многоцѣнны!

Правда, въ коротко тревашомъ томъ розговорѣ нашемъ я и не успѣлъ затронуть справу о фонетикѣ, которую и до днесъ уважаю головнымъ мотивомъ до поставленія на-серію „украинского, себѣ-то малорусского вопроса“; но само завѣренье Ваше, Добродѣю, що вопросъ той сейчасъ-же розрѣшился бы въ возстановленіемъ малорусского книго-чтенія въ Церкви и школѣ всей Украины, то аподиктичное завѣренье ни даже не допускало заговорити що и о Энейдовой или Кулишевой фонетикѣ. Вѣдай яко историкъ Руси по специальности знали Вы, якъ о томъ и всѣ Русины знаемъ, що передъ всякими фонетичными новизнами по всей Малой чи Украинной Руси книго-чтеніе, о потребѣ возстановленія якого Вы тогда менѣ объявили, было основано на правилахъ славяно-русского корнесловного книго-писанія (этимологической правописи). Вѣдь же и Вы Самы, Добродѣю, яко многолѣтній, самъ дѣятельнѣйшій членъ Киевской „Комисіи для разбора древнихъ Актовъ“, наводили въ издавіяхъ той Комисіи подлинны акты, грамоты и переписки, такъ частными якъ и урядовыми (изъ козацко-гетманской канцеляріи), за все время около 300-лѣтней Исторіи украинского козачества, а всѣ тии акты писаны были точно споконвѣчною русскою этимологією, да ни одинъ хоть бы съ сподобіемъ на яку безграмотну, нового штиля фонетику. Отже о новой украинской фонетикѣ, яко резонно не подходящей къ „потребѣ возстановленія“ того, чего на Руси не бывало, межи нами тогда не могло быти и бесѣды*).

*) На працаніи съ проф. Антоновичемъ зайшошь межъ нами еще такий не безынтересный діалогъ: Коли я, працаясь, еще разъ просилъ его о извиненіе за небрежность, съ якою я привіялъ его на первой встрѣчѣ у себе, доколь не узналъ, кто онъ таковъ, онъ съ добродушнымъ усмѣхомъ отвѣтилъ менѣ: „Не журитесь тѣмъ ни мало! Въ своемъ же Киевѣ случается менѣ часомъ еще и не такое! Ото разъ зайшошь я тамъ къ цирюльнику, дати себе подголити. Якъ-разъ за мною входятъ туда и два эlegantно одѣтыи паны. Сейчасъ цирюльничъ приступае до мене и проситъ изъ-тиха, щобы я пождалъ, ажъ онъ подголитъ „панѣвѣ“. Понятно, онъ не уважалъ мене — якъ каже Котляревскій — за рѣвнѣ съ панамъ“.

Другій Малорусинъ, не меньше знаменитый мужъ науки, якъ Кіевскій проф. Антоновичъ, къ тому-же и славистъ по спеціальности, который въ оно время мене посѣтилъ и со мною еще и больше по украинскому же вопросу розговоривалъ, былъ Антонъ Будиловичъ, въ ту пору професоръ русскаго языка и словесности на университетѣ въ Варшавѣ.

О томъ примѣчательномъ мужу А. С. Будиловичу запишу тутъ мимоходомъ прежде всего, що по русско-національной принадлежности онъ представляе яко-бы типъ настоящего Всероссийина: родомъ бо онъ надъ-Нѣманскій Бѣлорусъ изъ священническаго сословія; женитьбою австро-угорскій Русинъ, бо зять славнаго Угро-Русса бл.п. А. Добрянскаго изъ Чертежа, а шуринъ нашего Галицкаго Русина Юл. Геровскаго въ Черновцахъ, у которыхъ обохъ то въ Угорской то въ Галицкой Руси проживалъ въ время училищныхъ ферій; а по званію онъ сперва проф. въ Варшавѣ, далѣй ректоръ Юрьевского университета на Бѣлоруси, а съ г. 1902 членъ Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣроисповѣданій въ Петербургѣ. Отже онъ по роду, то по сродству, то по званію во всѣхъ частяхъ Руси такий „наській“, такий свой. що на прим. въ Львовскомъ процесѣ „Наумовича и Ольги Грабаръ“, яко шуринъ сей послѣдней, былъ цитованъ въ обвинительномъ актѣ ц. к. прокуратора Клеборнъ-Гиртлера мнимымъ соучастникомъ мнимого Hochverrath-a противъ Австріи.

На-вѣрно-жъ уважая себе также и самъ нашимъ Галицкимъ Русиномъ и желая съ виднѣйшими земляками ближе познакомитись, зѣхалъ онъ лѣтомъ 1883 съ Вл. Стебельскимъ изъ Варшавы до мене въ мое тогдашнее мѣстожителство въ Жолковѣ, где однакъ за случайнымъ моимъ отсутствиемъ оставилъ только свою визитную карточку, и ажъ въ 7—8 лѣтъ потомъ посѣтилъ мене во Львовѣ, где я за новымъ поворотомъ моимъ яко бібліотекаръ „Народнаго Дома“ проживалъ.

Тутъ то видѣлся я съ нимъ нѣскольократно и за каждымъ разомъ въ малой комнатѣ бібліотеки розговоривалъ съ нимъ все о томъ-же, насъ найбільше интересующомъ предметѣ, якій тогда назывался „украинскимъ вопросомъ.“ Онъ же внесъ тогда въ нашу народную бібліотеку свое капитальное сочиненіе „Кирилло-Мефодіевское Альбумъ“, изданное г. 1885 въ Варшавѣ, полное многоцѣнныхъ статей его по всеславянскому языкознанію. А що-до толковъ его со мною о „вопросѣ“ запамятую весь смыслъ ихъ по днесь до-подлинно и передаю ихъ въ слѣдующемъ: Вопросъ украинскій (говорить онъ) въ томъ значеніи, яке надаютъ ему ваши фонетисты, не существовалъ и не существуетъ въ Россіи. Говорити и писати по малорусски ни передъ Петромъ В. ли послѣ него никому не взборонялось, а прилюдное чтеніе и пѣніе изъ богослужебныхъ книгъ по малорусскому словопреношенію по церквамъ многихъ мѣстностей за кордономъ без-

препятственно водится и нынѣ. Такъ читаютъ и поютъ въ своихъ церквахъ мои старшіи родственники, священники на Украинѣ, да и вашъ Галичанинъ, о. Сѣтницкій, днесь сотрудинокъ духовный Варшавскаго русскаго прихода, въ нашей каедрѣ въ присутствіи російской генералиціи и чиновниковъ державныхъ произноситъ отпѣваніе Службъ Божіихъ постоянно и безъ упрековъ такъ само по малорусски, якъ пѣлъ когда-то у васъ и якъ изъ-покоивѣкъ читае и спѣвае въ своихъ церквахъ вся Галицкая, Угорская и Буковинская Русь, такъ униатская якъ и православная. Значить, малорусчина у насъ нигде и ніякъ не запрещена, а только въ новѣйшихъ часахъ настали нѣкоторые невзгоды вовсе не ради ней, яко по своему бесѣдующей Мало-Русіи, но ради выдуманыхъ у ней новыхъ фонетизмовъ.

— Отже щодо тѣхъ фонетизмоовъ на Украинѣ примѣтилъ я тутъ съ выразомъ немалого сожалѣнія — также и Москва провинилась черезъ то, що по истеченіи неполна 130 лѣтъ отъ присоединенія къ ней Богдана Хмельницкаго майже вся интеллигенція Украины до такой степени измосковщилась, що великій нашъ Котляревскій, дабы тую интеллигенцію на-ново научити малорусскіи творы ума читати по малорусски, принужденъ былъ для той цѣли выдумати чисто-„московскую“ фонетику*).

Супротивъ того моего примѣчанія проф. Будиловичъ обстоятельно указалъ на эпоху Петра Великаго, коли то Южная Русь, прославившись именно въ ту пору своею Могилевскою Академіею въ Кіевѣ, якъ-разъ надавалась сему великому Царю къ содѣйствію въ его подвигахъ для духовнаго преобразования Сѣверной Руси.

Вѣдай бо еще на свѣше полъ столѣтія передъ присоединеніемъ Хмельницкаго а на цѣлыя вѣкъ передъ Петромъ Великимъ Южная Русь въ своей историчной жизни якъ-бы во вторій разъ призвана была послужити вліятельно на духовно-культурное развитіе Сѣверной Руси. И послужила она тутъ именно

*) Первобытная фонетика Котляревскаго была вовсе не украинско-малорусска, но на-скрѣзь московска, приноровлена къ выговору великорусскому. Такъ на прим. вмѣсто „Спустился дѣдъ на мѣдъ подъ обѣдъ, та лягъ спати не выпивши, не зъѣвши“, Котляревскій въ концѣ XVIII ст. писалъ: „Спустился дѣдъ на мѣдъ пидъ обидъ, та лягъ спати не выпивши, не зъѣвши“, якъ бы точнѣсенько такъ само написать всякій Москаль, если бы ему тіа слова по своему произношенію диктовалъ який-будь Малорусъ. — Въ якихъ 50 лѣтъ потомъ Украинецъ Пантелеймонъ Кулишъ зреформовалъ тую фонетику Ив. Котляревскаго въ той способъ, що въ ней всякое и змѣнилъ на і, всае ы и з на и та е. Въ г. же 1892 наши галицкіи фонетисты приняли живцемъ „кулишѣвку“, а только отлучили въ ней возвратное ся отъ его глагола, выкинули ъ та лишь въ сложныхъ словахъ заступили тое ъ надстроною комою, и пишуть „спустивъ ся“, „зѣстві“ вмѣсто Кулишеваго „спустился, зѣисти“. Но все-жь таки самое начало и вся суть украинской фонетики лишь in gratiam Москвы, а не по требованію языковыхъ правилъ малорусчины.

въ то время, якъ новое благодатное искусство русскаго книгопечатанія, по дивному суевѣрїю тогдашнихъ правителей прогнанное изъ Москвы (въ г. 1568 — Москвитинъ Иванъ Федоровъ), водворилось въ польскихъ заборахъ Руси (въ Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Острожѣ), а за тѣмъ оттуда свѣтлыи лучи Христовой благовѣсти съ избыльнымъ блескомъ вновь ширились по всему безпредѣльному пространству земель русскихъ, отже и по Сѣверной Руси. А особенно важную задачу исполнило тутъ сочиненное по примѣру Львовскаго „Адельфотеса“ (изъ г. 1591) дѣло южнаго Русина Мелетїя Смотрицкаго, т. е. его церковно-славянская Грамматика, изданная въ Вильнѣ 1618 г., и вскорѣ-же яко единственный того рода школьный учебникъ перепечатываема въ московской Руси, где она вразѣ и была для великорусчины таки единымъ правописнымъ руководствомъ. Только въ 130 лѣтъ по Смотрицкомъ создалъ головно на основанїи той его Грамматики точныи правила книжно- или литературно-русскаго языка великій Ломоносовъ, названный Пушкиномъ за то „отцемъ россійской словесности“*). — Тожъ и не диво, що изъ первой четверти XVIII в., коли то Кіевская Академія Петра Могилы достигла самого розцвѣта своей образованности, Царь-преобразователь Петро Великій призываль оттуда въ Москву знаменитыхъ духовныхъ ученыхъ и церковныхъ проповѣдниковъ, которымъ и повѣряль найвысшіи чины въ великорусской іерархіи. Такими межѣ многими другими были два головныи соподвижники сего Царя въ дѣлѣ просвѣтительнаго преобразования Руси, а то настоящїи Украинцы, Ѡеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, которыхъ имена яко славныхъ Архіереевъ-проповѣдниковъ нерозрывно связаны съ исторїею владѣнія Петра Великаго. А нѣтъ въ той исторїи оного времени нїякого слѣду, чтобы тѣмъ приглашеннымъ до Москвы въ цѣляхъ преобразовательныхъ Украинцамъ воспрещено было подѣ діалектовымъ взглядомъ оставатись Малорусами; но если они таки приноровлялися тутъ къ московскому произношенію словъ одного и того-же русскаго языка, то дѣлали се по доброй своей воли и яко люди, въ томъ отношенїи основно обученныи. Вообще извѣстно, що сей умный Царь Петро высоко оцѣняль умныхъ людей Южной Руси; извѣстно также и то,

*) Якое вліяніе на того истиннаго „отца“ новозитной книжно-русской словесности имѣли литературныи первотворы старшихъ Южнорусиновъ, указуе А. Галаховъ въ „Исторїи Русской Словесности“ (Москва 1895, стр. IV.), где сказано: „Первыми недуховными книгами, прочтенными Ломоносовымъ, были Славянская Грамматика Смотрицкаго, Арифметика Магницкаго и Псалтырь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Въ послѣдствїи онъ (самъ же Ломоносовъ) называль эти книги „вратами своей учености“. — А были то именно книги, входящїи въ три области его умственныхъ специальностей, якими Ломоносовъ паче всего для Великой Руси заслужился и прославился, с. е. области языкознанія, правилъ стихотворства и отчетнаго при-родознанія.

якъ увлекался онъ даже коварнымъ Гетманомъ Мазепою, котораго и уважано царскимъ любимцемъ-временщикомъ, доки той же не сталъ Руси измѣнникомъ^{*)}.

Такъ не то за Петра Великого, а лишь именно за владѣнія его немало славныхъ наслѣдницъ и наслѣдниковъ интеллигенція Малой Руси стала переймать сѣверно-русскій выговоръ своихъ русскихъ словъ, т. е. прямо сказавши, стала московщиться, а то найпаче подъ влiяніемъ ново тогда воспріянувшего періода русской литературы на Сѣверѣ, где на-разъ появились писатели-великаны якъ Ломоносовъ и Державинъ, дальше Карамзинъ и Жуковскій, а послѣ тѣхъ и съ тѣми-же первостепенными геніями якъ Пушкинъ и Малорусъ Гоголь^{**}), отъ которыхъ та литература въ своемъ неизмѣнно быстромъ развитіи достигла самого зрѣлаго розцвѣту и оттакъ стала для всѣхъ Русиновъ (Русскихъ) въ ихъ вслбной державѣ общео, с. е. общерусскою. Такъ есть общео, своею уважаема была та литература также образованными людьми Малой Руси, а то не только по ея настоящему русскому языку, но и по вѣрно соблюдаемому въ ней славяно-русскому правописанію, по которому отъ введенія христіанства удобно было одно и то же слово одного и того же русско-го языка произносити Малоросу по мало-, а Великоросу по великорусски. Не дивно, що коли въ самой новой литературной періодъ Сѣверной Руси интеллигенція Южной Руси вошла въ ближайшее съ нею сообщеніе, то нарѣчевыя говоры русскія подѣйствовали тутъ другъ на друга взаимъ, съ пользою для ихъ обоюпльного сближенія и соединенія.

И если интеллигенція Малой Руси изъ того времени переймала извѣстныя звуковыя особенности Москвы, то зарѣвно же и образованныя Москвичи въ томъ же отношеніи якъ-такъ мало-

^{*)} О вѣроятной причинѣ измѣнничества Мазепы записана у Бантыша-Каменскаго слѣдующая легенда: Царь Петръ, объѣзжая съ Мазепою Украину, ѣхалъ разъ до одного мѣстечка и въ дорогѣ запыталъ Мазепу, акъ еще далеко до того мѣстечка? Мазепа, не знаячи точно отдаленности, вмѣсто общерусского „не знаю“ отвѣтилъ по простолюдному „не скажу“. На то Царь Петръ, недоумѣвая, воскликнулъ: „Какъ ты смѣешь не сказать того мѣ, твоему Царю-государю!“ и съ гнѣвомъ ударилъ Мазепу въ лице. Якъ и великими ласками былъ до тѣхъ поръ надѣленъ лукавый Мазепа, но за ту недоумѣлую пощечину не-долгъ потомъ отпалъ отъ того своего изряднаго Царя-благодѣтеля и, покинутый своими козаками, присталъ до Карла XII, съ которымъ и былъ на голову побитъ Петромъ подъ Полтавою 1709 г.

^{**}) Ник. В. Гоголь (рожд. 1808 † 1855) въ юношескихъ лѣтахъ писалъ — якъ розскажутъ его біографы — для домашняго театра помѣщика Трущинскаго въ Полтавской губерніи драматичныя пiесы по малорусски, но изъ тѣхъ пiесъ — къ сожалѣнію — ни слѣду не осталось. А былъ бы то по истинѣ великій слѣдъ и немаловажное событіе въ русской литературѣ, еслибѣ Гоголевы первотворы были остались писанными по малорусски.

счались. Да и даже нынѣ самыя ученые изъ Великорусовъ, университетскіи профессоры и высокіи сановники въ Петроградѣ и въ Москвѣ, по большей части уже не „акають“, а вмѣсто „гарá, вадá, галавá, барадá, атгаварítь“, произносятъ якъ и Малоросы „горá, водá, головá, бородá, отговорítь“; а вѣдь-же тое неакцентованное **о** въ первыхъ слогахъ словъ произносимое якъ открытое **а**, се така типовая особенность Москвы, що не будь ей, то мовь-бы нестане въ свѣтѣ „спеціально-московской“ великорусчины!

Въ такихъ нашихъ интересныхъ для насъ разговорахъ мы съ проф. Будиловичемъ якъ-то неохотно завертали до згадки о украинской фонетицѣ, потому що оба мы однаково имѣли отвращеніе ко всякой въ свѣтѣ фонетицѣ, а уже-жь украинскую уважали мы настоящимъ для Руси „коренемъ зла“.

Во и що-жь? Завель тую фонетику на Украинѣ впервѣ (1798 г.) нашъ любимець-поэтъ Иванъ Котляревскій — вотъ такъ собѣ безъ малѣйшой якої заднѣй, недоброй мысли, а едино съ учтивою цѣлю и добродушнымъ желаніемъ, щобы земляки его, паче всего „измосковщенныя“ грамотѣи Украины да и грамотныи Москали потѣшились его гараздъ перелицѣванною Энейдою, читая тую-же не по пански (по барски), а „по насѣки“, значитъ, по малорусски. Такъ и составилъ онъ собственно не украинску, а московскую фонетику, бо читати по ней по малорусски сѣумѣлъ только той, кто зналъ чтеніе московское. — По Котляревскѣмъ же да и за него що-якій украинскій писатель насталь за кордономъ, мало не каждый заводилъ въ его фонетицѣ то поправки, то новизны, будь добирая буквы изъ чужого алфавета (g, j), будь выдумывая (ÿ=въ: ходиÿ). Одинъ проф. М. Максимовичъ въ Кіевѣ (1830 г.) старался умудрити фонетистовъ Украины указаніемъ на правила доброй превосходной этимологіи древней Руси; но въ ту „новую эру“ фонетизма „старо-свѣтчина“ уже не принималась. А коли-жь до розличного рода фонетикъ прибавилась еще и новая фонетика Кулиша, да и тая майже у каждого нового писателя Украины въ где-чѣмъ измѣнялась, то насталь тутъ въ письменности русско-украинской неспасенный фонетичный хаосъ, отъ якого всякій народъ въ свѣтѣ Господи спаси! И чей то для устранения того хаоса само уже русское правительство, по внушенію нѣкоторыхъ виднѣйшихъ писателей Украины, распорядило въ г. 1876, щобы всякіи книжныи изданія для малорусского народа (а подъ тѣмъ названіемъ подразумѣвалось лишь простолюдіе) соблюдали однородную правопись, именно точно похожую на ту фонетику, якую выдумалъ былъ Котляревскій. Но помимо того распорядженія или санкціи изъ выше, чи може власне по поводу той санкціи украинская фонетика оказалась теперь еще очевиднѣйше тѣмъ, чѣмъ она была отъ самого своего зарожденія, т. е. настоящимъ для Руси „коренемъ зла“. Таже бо видѣла теперь мовь-бы офіціально, якъ видѣла передь-тѣмъ будто лишь мимоходомъ

украинская Русь таки „чорное на бѣломъ“, с. е. въ книжкахъ мало- а великорусскихъ, що по двойному, цѣлкомъ въ собѣ различному письму-правописанію есть уже не одинъ и той-же языкъ русскій, а суть два отдѣльные въ письмѣ языки, отже и два особыя народы, украинскій и московскій. При недостатку основнаго русско-нарѣчьевого ученія въ Руси за гордостатку розвился отъ того на Украинѣ національный сепаратизмъ^{*)}, якій въ дальшому ходу за предѣлами Россіи, въ Галичинѣ и на Буквинѣ, при содѣйствіи чужихъ вліятельныхъ элементовъ, необходимо перетворяется въ сепаратизмъ политичный.

Взяти же слѣдуе и то во вниманіе, що ново-украинская фонетика, ведущая по своей природѣ прямою дорогою до русско-языкового сепаратизма, побуждае своихъ адептовъ выражати той сепаратизмъ подборомъ, а властиво выковыняньемъ новыхъ словъ въ такой духовой области, въ которой словесныхъ терминовъ въ простонародной рѣчи не бывае. А вѣдай такія термины въ достаточномъ множествѣ приобрѣла наша Русь за принятіемъ Христіанства отъ старшей посестры, южной Славящины, которая первая подъ вліяніемъ высоко-культурной Геляды розвила у себе свою культуру на питоменно-славянскомъ основаніи. Тую то слявяну русскую терминологию соблюдае живцемъ неизмѣнно до нынѣ также новожитна книжно-русская словесность, и ей то съ онимъ стариннымъ сокровищемъ якъ-то добре живется. Не смотря на то, чи може власне на перекоръ тому украинскіи фонетисты пренебрагають своею доброю стариною, а вводятъ новоскованныи термины, каждый по другому ладускладу, да неразъ и въ противенство духу и смыслу настоящей русчины^{**)}

^{*)} Первымъ изъ такихъ сепаратистовъ, якого я передъ 40 лѣтами позналъ, былъ извѣстный Украинецъ Александръ Коисскій, котораго стишки и дописи „зъ Украинѣ“, писанныи подъ псевдонимомъ „Вершволя“ (верши волю), помѣщаль я въ моемъ „Словѣ“. — Нынѣ, въ м. Декабрѣ 1906 г., коли тое пишу, маркую изъ современныхъ смутныхъ событийъ въ Россіи, що тамъ Украинцы, чейже памятуя кличъ Костомарова: „Анаема тому, кто задумае отторгнути Украинну отъ Россіи“, не увлекаются сепаратизмомъ Коисского, но въ виду нынѣшнѣго броженія умовъ въ русской державѣ, яко то уже скорше придучаются до московскихъ „кадетовъ“ и другихъ партій Московин, ба въ нѣкоторой части даже до лица-еврейского „бунду“, нѣкъ бы имѣли затѣвати що въ непосудухъ серіознаго клича своего великаго историографа. Но грозьба анаемы Костомарова на-теперь видно дѣйствуе лишь на „россійскихъ“ Украинцевъ!

^{**)} Мой другъ Владимиръ Стебельскій розсказывалъ мнѣ потѣшное а томъ, якъ то поветало новое украинское слово „грязь“ въ смыслѣ слово „содержаніе“ (Index, Inhalt). Ото одинъ фонетистъ-словокователь вмѣсто православнаго, „содержанія“ выдумалъ по образцу польскаго „treść“ свое „грязь“ (не трість или не живцемъ „тресть“), а наисалъ въ своей рукописи великую букву Т на подобіе Г. Такъ наборщикъ въ типографіи вмѣсто „Грязь“ зложилъ „Грязь“; авторъ перерѣлъ ошибку, и терминъ „грязь“ по-при другомъ подобномъ терминѣ („зміст“ чи „змість“) остане въ употребленіи у новоукраинскихъ писателей. „Счастье еще — заключалъ Стебельскій свой розказъ: що въ томъ словѣ не зайшла и яка друга опечатка и вмѣсто „грязь“ не выйшла „грязь“ или „грязь“.

И якъ впрочемъ той знаменитый славистъ проф. Будиловичъ вообще осуждалъ всякую фонетику, якая бы где-нибудь на Руси для нарѣчевыхъ говоровъ ей въ письмѣ заводилась, имѣлъ я случай увѣритись о томъ еще и послѣ, въ г. 1904, коли то даже и одна партія ученыхъ Москвичей (тоже учителя второрядныхъ школъ изъ провинці майже въ большинствѣ!) подъ проводомъ прирожденнаго Нѣмца, проф. С. Ф. Брандта, затѣяла также и въ великорусчинѣ завести специально-московскую фонетику. Противъ той затѣи, поднятой одного года въ орфографичной Комисіи Петроградской Академіи Наукъ, выступилъ нашъ А. С. Будиловичъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ ученою статьею*), полною основнаго славяно-русского языкознанія, въ которой все сказанное научно, вразъ-же и дышетъ искренне-русскимъ патріотизмомъ, такъ якъ каждая точка лингвистичныхъ толкованій и доказательствъ братолюбно предостерегае Русиновъ Сѣвера отъ попытокъ культурнаго розъединенія святой, Богомъ во единствѣ созданной Руси!

И во истину, такъ утвержденія умныхъ славистовъ, якъ и писательская практика 10 столѣтій жизни всего русского роду-племени на Юзѣ его и на Сѣверѣ учатъ насъ и доказуютъ наглядно, що единственнымъ вѣрнымъ выраженіемъ, самую видною формою и образомъ такого единства Руси есть столько-же столѣтій употребляемая Русію церковно-славянская правопись, ставшая оттакъ русско-историчною, общерусскою. Плоды русского ума, списываемыя за столько вѣковъ одною и тою же правописью во всѣхъ странахъ безпредѣльной Руси, якъ и различались они тутъ а тамъ другъ отъ друга по поводу нарѣчевыхъ свойствъ въ многорозвѣтвленномъ мѣрѣ русскомъ, но таковыя плоды южной Руси для сѣверной, а сѣверной для южной были по языку, по письменной формѣ и по названію „своими, русскими“, для всѣхъ тѣхъ „своихъ земель общерусскими“. Такъ то оное свое-племенное единство Руси было за всѣ тѣ столѣтія выражено не лишь въ споконвѣчномъ имени „Русь, Русскіи“), но и въ посто-

*) Сія статья изъ розрѣшенія автора А. С. Будиловича перепечатана и въ „Научно-литературномъ Сборникѣ Галицко-русской Матицы“ за 1904 г.

*) Не могутъ воздержатися, чтобы не примѣтити то довольно интересное: Предъ-Несторовое еще имя существительное „Русинъ“, перетворенное на сѣверной Руси въ прилагательное „Русскій“, употребляется и нынѣ еще въ Галицкой Руси, а то найпаче для мужского пола (я Русинъ); напротивъ женщину (Русинку) называютъ тутъ, особенно въ простонародіи, найчастѣйше такъ, якъ на далекомъ Сѣверѣ: „Русская“, и то въ полномъ видѣ, а рѣдше въ скороченномъ „Русска“. Такъ на пр. про смѣшанныя содружества по различію ихъ рода и обряда кажутъ: „онъ Русинъ, она Поляка“ и снова „снъ Полякъ, она Русская“. Тоже въ одной народной говорцѣ сказано: „Где въ хатѣ дѣвчина русская, тамъ стѣжка до ней грузная“. Значитъ, полный видъ женскихъ прилагательныхъ, у насъ рѣдше уживанный, чѣмъ скороченный, тутъ, якъ-бы съ предпочтенія для русской женщины майже всегда задержанъ всецѣло.

ивно живущей и въ жизни развивающейся области русскаго духа, въ русской словесности.

Такъ то оно было въ прошлыхъ вѣкахъ во всѣхъ земляхъ русскихъ: было сознание единства Руси такъ по ея имени якъ и по языку — да и по языку, бо единство того-жь, помимо существующихъ въ немъ нарѣчиевыхъ особенностей, яки впрочемъ и въ языкахъ другихъ народовъ существуютъ, имѣло свое выражение во всеобщемъ всей Руси письмѣ, въ русско-литературной правописи. Только въ новѣйшее время, въ эру фонетизма, значить, въ эру револуты противъ правилъ словесной науки, возникаетъ въ нашей Руси несчастная похоть до творения партій даже на такомъ поприщѣ, где партій, готовыхъ до завзятой борьбы, у другихъ культурныхъ народовъ вовсе не бывае. Суть же вѣдай у другихъ народовъ, якъ натурально и у насъ, партій, крѣпко съ собою спорящи, въ области политики, экономіи, понятій социальныхъ и даже религіиныхъ, но подъ взглядомъ понятія своей питомой національности, этнографичной и языковой индивидуальности каждый народъ и всѣ его различныя партіи составляютъ одну цѣлость, одинъ свой особый всенародный таборъ. Такъ подъ тѣмъ послѣднимъ взглядомъ каждый на пр. Полякъ, Нѣмецъ, Французъ, Итальянецъ есть и чувствуете себе съ пріятнымъ сознаниемъ по имени, по языку и по своимъ предкамъ Полякомъ, Нѣмцемъ, Французомъ, Итальянцемъ.

На жаль, у насъ, именно въ австрійской Руси, власне въ пору що-ино отъ г. 1848 счастливо начатыхъ подвиговъ русско-языкового развитія, настае эра фонетики, а съ нею и возникаютъ небывалыя передъ тѣмъ ново-эрскаіи партіи, да въ послѣдствіи того уже не каждый Русинъ чувствуете и признае себе по имени да и по единству своеплеменного языка Русиномъ такимъ, якимъ былъ не то ажъ пра-прадѣдъ его, а таки до недавна еще рѣднѣй его батько.

Вѣдай-же то еще батьки батькѣвъ нашихъ долгое время за Польщи и черезъ цѣлый первый поль-вѣкъ за австрійскаго владычя сознавали то единство Руси во всеуслышание передъ свѣтомъ именно въ такой способъ, що называли свой языкъ, свое письмо „россійскимъ“, выражая самымъ тѣмъ, хотя несвойскимъ, но принятымъ тогда въ Европѣ названіемъ досадно, що уважають также россійско-московскій языкъ чи діалектъ и его письмо такъ само русскимъ, якимъ былъ для нихъ и тѣмъ-же письмомъ и языкъ чи діалектъ ихъ малорусскій или галицко-русскій. Значить, они не встыдалися своего братства съ „Москалями“! Только зъ г. 1831, коли то въ польской литературѣ, имѣвшей сильное влияние на нашу Галицкую Русь поднялся великій гнѣвъ Польщи коренной противъ Москвы-Россіи, а еще больше отъ времени заведенія у насъ сепарующей Русь фонетики, настало и розширяется у молодой генерации австрійскихъ Русинѣвъ лихо-партійное отвращение къ Москвѣ, да съ тѣмъ и къ самому имени „Россія“, ба даже и къ свойскому

синониму „Русь“, такъ що на-теперь у той-же генераціи идея единства Руси попадае въ явное пренебреженіе.

Не дивота затѣмъ, що при зарожденіи партійныхъ видовъ и стремленій въ такой области, въ якой передъ тѣмъ еще партій въ народахъ не бывало, кипитъ у насъ неотвѣтная, марнующая русскіи силы борьба, а якъ всегда въ такихъ партійныхъ борьбахъ не обходится ту и безъ появленія всякого рода экстремовъ, природному ходу развитія народнаго життя Руси дуже вредныхъ.

О томъ бы много еще говорити! Но я думаю, що по сему предмету не мало высказалъ я уже въ моемъ „Открытомъ письмѣ къ Галицкому Митрополиту Андрею“ въ г. 1905 да и въ предлагающихъ нынѣ свое-жизньевыхъ „Запискахъ“

А тѣи то Записки, той послѣдній плодъ моихъ старческихъ размышленій о Руси осмѣляюсъ нынѣ дедиковати Вамъ, Высокоуважаемыи Добродѣи, Владиміре Бонифатьевъ и Антонѣ Семеновъ, въ милую память розговоровъ моихъ съ Вами на концѣ прошлаго вѣка, вразъ-же съ ободрительнымъ упованіемъ, що Вы, Многовлятельныи Дѣятели въ великой закордонной Руси, приймете сей трудъ мой съ благосклоннымъ сочувствіемъ!

Заключаю же сей трудъ мой пригадкою словъ **Николая Го-голя**, якій той великій геній Малой и Великой Руси въ розговорѣ съ Украинцемъ О. М. Бодянскимъ и Москвичемъ Г. П. Данилевскимъ о поэзіяхъ Тараса Шевченка сказавъ съ сознаниемъ вѣчной въ тѣхъ словахъ своихъ правды: **Русскій и Малороссъ — то души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и однаково сильныя. Отдавать предпочненіе одной въ ущербъ другой — невозможно.*)**

*) См. „Знакомство съ Гоголемъ“ Г. П. Данилевского въ Петроградскомъ „Историческомъ Вѣстнику“ въ книжѣ за Декабрь 1886 и въ Львовскомъ „Литературномъ Сборнику гал.-р. Матица“, Вып II г. 1886 (стр. 233—234).